

ТЕАТР ЖЕВАТЕЛЬНОЙ РЕЗИНКИ

ленно колотит по спинке стула. Изгодававшиеся по текстам, требующим с образительности,

Английская газета «Обсервер» опубликовала статью своего театрального критика, недавно побывавшего в США, о состоянии театра в Америке. Ниже эта статья приводится с сокращениями.

ВЕЛИКИЙ белый путь на Бродвее вовсе не белый. Неон делает его многоцветным, подобно пакету жевательной резинки. Земля вокруг Таймс-сквер стоит сотни долларов за дюйм, но в общем это бедный район и таким он и выглядит. В воздухе пахнет жареными пирожками, а театральные афиши смаивают на вывески лавок.

В самих театрах не так шумно и не так занятно. Типичный бродвейский театральный зал, как правило, окрашен в пастельные тона, кресла обиты парчой, как в будуаре, над партером нависает балкон, гнетущий, как головная боль. Сцена очень широкая, больше приспособлена для музыкальных ревю.

Подобно рекламе, основанной на тщательном изучении рынка, комедии и оперетты, идущие на Бродвее, рассчитаны на вкусы людей с определенным доходом, определенным уровнем развития, людей с определенными привычками. Идеальный «клиент», как выражаются специалисты по рекламе, в настоящее время — это белая супружеская пара среднего возраста, имеющая в среднем 2,5 ребенка, проживающая в одном из

предместий, частенько посещающая Манхэттен. На сценах в этих театрах в форме шуток преподносятся всевозможные идеи, рассчитанные на то, чтобы создать определенное мнение по таким вопросам, как проблема загрязнения воздуха, самоубийство и т. д. Шутки по поводу разводов преподносятся таким же тоном, как и шутки на тему о гражданских правах.

«Гамлет» никогда не мог бы иметь в Нью-Йорке большого успеха, будь он даже новой пьесой. На Бродвее продюсеры поражены болезнью страха, порождаемой, как говорят, «трудностями в пути» или «трудностями со вторым актом». С «Гамлетом», бесспорно, были бы трудности со вторым, третьим, четвертым и пятым актами. Семейная линия в этой пьесе была бы одобрена, но роль Фортинбраса обязательно оказалась бы вырезанной после ряда предварительных закрытых показов, возможно, в Филадельфии, которую Бродвей использует как своего рода опытную площадку.

Стоит, очевидно, несколько подробнее остановиться на том, как понимают на Бродвее «успех». Дело тут не столько в удаче той или иной пьесы, сколько в создании какого-то общего настроения. Каждый спектакль претендует на успех, но лишь немногие действительно пользуются им.

«Хороший сезон» — вовсе не означает, что в данный сезон на Бродвее шли хорошие пьесы. Если бы на 45-й Западной улице бок о бок шли такие пьесы, как «Король Лир», «Гедда Габлер» и «Вишневый сад», это был бы самый плохой из возможных сезонов. Хороший сезон — это такой, когда наибольшее число спектаклей имело «успех», подобно акциям, курс которых сильно поднялся. Публика валом валит на них, и это порождает уверенность и ажиотаж, а поэтому билеты достать трудно, цены на них растут, ажиотаж усиливается, переливается через край, переносится на другие спектакли, и последние неожиданно также имеют успех.

В нынешнем сезоне на Бродвее зрители особенно назависую преподносят две темы. Одна из них — «семейная» тема, столь излюбленная в Америке, но на этот раз она трактуется несколько иначе: мамы нет, папа есть, и теперь уже речь идет не о беспомощности детей, которые ничего не могут поделать со своими родителями, а о возмущении родителей поведением своих детей. Не знаю, делается ли это в угоду зрителям, большинство которых — стареющие люди. Слушательного посетителя поражает та едва скрытая враждебность к молодежи, которая сквозит в таких пьесах, как «Немыслимые годы» Боба Фишера и Ар-

тура Макса и «Поколение» Уильяма Гудхарта. В обеих этих комедиях выведены мягкие, любящие отцы, кудахтающие над своими дочерьми, которые якобы проявляют опасную склонность к богеме.

Вторая излюбленная тема на Бродвее — жилищная. Главный «герой» в пьесе «Поколение» — переоборудованный чердак торгового склада; место действия пьесы «Немыслимые годы» — шикарное предместье. В музыкальной комедии «Небоскребы», имеющей большой успех, «героем» является принадлежащий Джули Гаррис маленький домик из темного камня, упорно цепляющийся за землю, на которой стоит, хотя на него наступают небоскребы.

Никто не хочет признавать, что все эти пьесы вызывают у зрителей полное разочарование. Но, по-моему, это разочарование весьма осязаемо. Ведь столько истрачено денег, столько было волнений, «ажитаж», а взамен — автоматические плоские шуточки и искусственно накачиваемая энергия.

Целая «партизанская армия» некоммерческих театров, называемых «внестроудейскими», была обычно значительной контрсилой, но сейчас она сократилась на три четверти и сама сталкивается с серьезными экономическими проблемами.

Внестроудейские театры не слушаются

теперь так называемыми «хэппенингсами» (от слова события, случай. — Ред.), иными словами, всерьез культивируемой бессмыслицей. На одном из таких представлений я побывала. Оно началось в 20 минут первого ночи. На сцене пять девушек в белых подвенечных платьях стояли, как окаменевшие, на фоне грязно-белого бумажного полотна, в то время как из проигрывателя в течение 20 минут несло одно и то же слово «Я». После этого девушки продолжали неподвижно стоять еще некоторое время, а на четырех балках потолка проектировался замороженный любительский фильм, причем никто не мог увидеть больше, чем кусочек проекции размером примерно в дюйм. В фильме была показана новобрачная, наливающая бензин в бак возле бензоколонки. При этом из проигрывателя в течение еще получаса неслись слова: «Это не вы». Под эти слова я покинула зал.

Меня поразила и напугала общий упадок уровня актерского мастерства в Америке. «Психологизм и натурализм — вот все, что нам доступно», — уныло сказал мне один видный деятель театра. Даже знаменитое искусство комедии огрубело, и вместо того, чтобы выразить свои чувства яростным поднятием бровей, актер сейчас прибегает частенько к такому приему, как грубый хохот или уси-

хладнокровия или ума, т. е. выражения каких-то личных качеств, а не просто технических приемов, актеры начинают смотреть на себя как на каких-то неопытных «продажных проституток от искусства».

В последнее время я неоднократно слышала от работников американского театра, что классические пьесы для них абсолютно недоступны, а рядового американского зрителя они не интересуют. Некоторые профессиональные актеры клятвенно заверяли меня, например, что у театра Тайрона Гитри в Миннеаполисе не может быть никаких надежд на успех, когда он ставит пьесы классического репертуара с американскими актерами. Но, приехав в Миннеаполис, я обнаружила, что постановка «Вишневый сад» отличается большой непосредственностью и не бьет на дешевый эффект в отличие от всех остальных постановок, которые мне довелось увидеть в Америке.

Каждому штату нужен подобный театр, существующий на государственные средства, а не на случайные пожертвования богатых людей.

Но идея ассигнования государственных средств для искусства все еще воспринимается в США как попытка проталкивать коммунизм. Произнесите тихонько слово «субсидии», и почва под статуей Свободы начнет ходить ходуном.

ИЗВЕСТИЯ
г. МОСКВА

26 МАР 1966